

исторический опыт, что свидетельствует о диффузии культур. В рассматриваемое время активно развивалось музейное дело, возросло значение просветительских общественных организаций. Вместе с тем, следует отметить, что просветительская деятельность протекала под неусыпным надзором государственной администрации и строго регламентировалась.

Примечания:

¹ Зорина Л.И. История Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1996. С. 106–111.

² Пермские губернские ведомости. 1889. 11 ноября. № 90. С. 382; Там же. 15 ноября. № 91. С. 386; Там же. 18 ноября. № 92. С. 391; Там же. 25 ноября. № 94. С. 403.

³ ГАПО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 485. Л. 388–389 об.

⁴ Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 112–115.

⁵ Там же. С. 110–112.

⁶ Там же. С. 111–112.

⁷ Краткий исторический очерк двадцатилетней деятельности Градо-Пермского Рождество-Богородицкого попечительства. Пермь, 1911. С. 14–16.

⁸ Отчет Пермского Свято-Троицкого церковно-приходского попечительства за 1914 год. Пермь, 1915. С. 8–14.

⁹ Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. С. 110–112, 121–122.

¹⁰ ГАПО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 485. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 322, 328, 335, 400–402 об.

¹² Там же. Л. 35.

¹³ Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007. С. 156–157, 160–161.

¹⁴ ГАПО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 485. Л. 223, 230.

¹⁵ Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. С. 319–320, 373–374.

*М.И. Кондрашева,
В.М. Прякин
(Екатеринбург)*

Вузовская интеллигенция как феномен культуры (историко-культурологический аспект)

Феномен вузовской интеллигенции Урала исследован слабо. Научные работы по высшей школе региона посвящены в основном исследованию истории высших учебных заведений, научных школ и направлений, изобилуют статистическими данными, но почти не отражают судьбы основных персонажей вузовской жизни – вузовских интеллигентов, их вклад в развитие культуры Урала. Культура в современном мире, как ее понимают авторы, не может избегать реальности, а должна стать средством критического воздействия на

общественные, политические процессы. И как таковая культура конкретизируется и превращается в политическую программу гражданского общества. Такое понимание феномена культуры, несмотря на разнообразные формы его проявления и непоследовательное проведение культурной политики, характеризуется некоторыми общими содержательными принципами:

- усиление культурной и творческой самодеятельности людей и способствование самоорганизации и самоуправлению учреждений культуры и их культурных проектов;

- привнесение в повседневную культурную практику творческих форм порождения, воспроизведения и усвоения образцов культуры, обеспечение максимального доступа к культурному достоянию народа;

- всемерная поддержка культурных инициатив и тем самым культурного обмена внутри общества;

- развитие эмансипированной культурной практики, способной помочь человеку самому развивать и оценивать свой культурный потенциал.

Соответствие вузовской интеллигенции вышеупомянутым принципам и установкам имеет амбивалентный характер. С одной стороны, многие высшие учебные заведения уловили перспективу дальнейшей плодотворной деятельности, сопряженной с известной мерой доверия новым, непривычным доминантам экономических парадигм. С другой стороны, определенная часть вузов, приверженных старым формам работы, использовала новую вывеску для прикрытия своей прежней повседневной практики и проигнорировала поворот вузовской культуры в сторону корпоративности, автономности и патернализма. Этот двойной подход к развитию вузовской культуры как формы свободных, самодостаточных культурных инициатив и как прикосновения к истинным традициям и ценностям внутривузовской практики, мы склонны отнести к ее особенностям. Они, на наш взгляд, и являются критерием вклада вузовской интеллигенции в обогащение научного и культурного потенциала Урала. Тесное взаимодействие официальных органов, руководителей высших учебных заведений и всего профессорско-преподавательского состава, освобождение от идеологических пут и отживших вузовских структур и стереотипов – залог «нового» проявления культурного феномена вузовской интеллигенции. Признание идентичности данного феномена и разнообразного опыта вузовской практики поднимут на новый уровень качество вузовской науки и профессиональной подготовки.

В последнее время появилось несколько, на наш взгляд, серьезных работ, в которых на основе архивных документов, периодической печати, данных «ORAL HISTORY» и литературных источников

сделана попытка объективной оценки и реконструкции поведенческих (культурных) стратегий вузовских преподавателей в послевоенный период¹. Авторы указанных публикаций рассматривают эти стратегии в качестве универсальных культурных составляющих в пределах страны для данной группы интеллигенции. Исследованные нами документы выявляют стремление вузовских ученых чувствовать себя свободными в несвободном обществе. Воспитать у нового поколения способность к свободе может только свободный гражданин. Настоящим интеллигент становится только тогда, когда его желания, стремления, наклонности облагораживаются настолько, что не находятся в резком противоречии с обязанностями. Попытку внутреннего облагораживания мы относим к прекрасным порывам души. Недаром наши великие предшественники, в частности, Фридрих Шиллер (популярный среди студентов вузовский профессор), называли прекрасным саму свободу во всех ее проявлениях – «Schonheit ist Freiheit in der Erscheinung»². Заниматься со студентами «вольной» наукой, т.е. наукой, отвечающей культурным вызовам времени – таков, по мнению замечательного уральского ученого Н.Н. Красовского, путь развития фундаментальной науки³.

Как известно, XX век – глобальный век диктатур. Прошлый век обозначил также попытку создать диктаторскими же методами новое общество. Не отличались особой оригинальностью в стремлении загнать нас в коммунизм великий диктатор И.В. Сталин и его авторитарные последователи. В современных исследованиях речь идет о тотальном господстве правящей партии над обществом, о тоталитарной культуре. В условиях тотального контроля КПСС над умами и душами индивид оставался наедине со своими мыслями и чувствами. Из документов, которыми мы располагаем, видно, как рушились традиционные культурные связи между людьми. Партийные постановления содержат однотипные указания о «недопустимости либерального, благодушного отношения» к тем фактам поведения преподавателей и студентов, которые квалифицировались партийными органами, как «политически вредные»⁴. Задача исследователя – дать научную оценку документа. Отметим единственную, кроме, пожалуй, семьи, культурную нишу, которая (далеко не всегда) могла приютить подвергнутого остракизму вузовского интеллигента – вузовское научное сообщество. Оно давало начало узам особого рода и формировало своеобразные суб- и антикультуры, противостоящие тотальному влиянию. Эти узы подвергались яростным атакам власти, но полностью не могли быть разрушены. Сохранялись островки духовной, культурной и моральной независимости вузовских ученых. Проблема исследователя заключается в том, чтобы выявить механизм этого противостояния власти и вузовской интеллигенции. Размывать вузовское научное сообщество

были призваны массовые общественные и первичные партийные организации, созданные и культивируемые диктатурой. Они были призваны к созданию новых общественных структур и ставили своей задачей уничтожение индивидуальности и создание массового психоза.

В свете новых исследований мы ставим еще одну проблему, которая почти не отражена в научной литературе. Речь идет о нарушениях прав человека в результате дискриминации вузовской интеллигенции Урала. В советское время эта тема была закрыта. Но и нынешняя власть особо не жалуется предложений по поводу ограничения ее влияния на вузовские процессы. Шум, поднятый по причине проводимой правительством реформы высшей школы, еще раз убеждает в том, что подлинная автономия вузов в обозримом будущем не проглядывается, их современная легитимация находится под большим вопросом. Как такое положение отразится на вузовских культурных процессах?

В наших работах неоднократно подчеркивалось, что власть постоянно апеллировала к преподавателям высших учебных заведений Урала, как к своим сторонникам. Налицо лживость и двуличие представителей власти. Исследуемые документы свидетельствуют о взаимоотношениях власти и вузовской интеллигенции в ходе массовых выборных кампаний, разъяснения политики партии, отдельных ее решений. Самая образованная (окультуренная) группа советской интеллигенции была призвана стабилизировать власть, мобилизовать и формировать массы. Выборы превращались в фарс, всеобщее одобрение, исключалась всякая возможность свободного обсуждения и какой-либо альтернативы. Это тоже своего рода феномен культуры советского времени, который ждет своего внимательного исследователя.

Отрицательные последствия тотального влияния власти касаются всех сфер бытия. Власть безоговорочно вторгается в личную жизнь; вузовские ученые во всей мере испытали на себе неслыханное подчинение государству человека, семьи, общества. Результатом явилось не только огосударствление общественной жизни, но и, как уже отмечалось, подавление индивидуальности. В конечном итоге власть исключает возможность вузовского интеллигента найти свободную нишу для реализации своих творческих, культурных и духовных потребностей. Власть предлагает эрзац-структуры, которые характеризуют советское общество как нецивилизованное, с полностью разрушенными институтом свободы и культурной идентичностью.

История скрывает в себе неистребимую волю к познанию, но одновременно и волю к критическому восприятию, поскольку познание идет под определенным углом зрения. Как известно, будущее

зарождается сегодня. В конечном итоге, история воплощает волю к точной фиксации этого «сегодня» для проектирования грядущего.

По сути, авторы сделали лишь систематизированную, но явно пропедевтическую попытку подобраться к сути культурного феномена вузовской интеллигенции. Авторский взгляд: стремление к критическому анализу настоящего и прошлого вузовской интеллигенции возводит критический принцип в предмет ретроспективного взгляда. Больше всего здесь речь идет не о теоретических понятиях, а о тех возможностях, которые открываются перед любым вузовским интеллигентом. Для того чтобы сохранить критический настрой в восприятии вузовских реальностей и выявить до конца их культурные параметры, неизбежна дискуссия. В качестве дискуссионных и могут быть предложены следующие оценки:

– Как мало вяжется создание образа врага в среде интеллигенции с современным мультикультурным гражданским обществом, точно такое же отношение к нему имеет и теория исключительности отдельных ее групп. Толерантность в отношении интеллигенции, следовательно, должна быть соединена с конструктивной критикой всех вариантов ее чванства, отчуждения, исключительности и самолубования.

– Отношение к интеллигенции может быть только таким, каким диктует его исторический процесс, т.е. таким же многообразным, как и проявления интеллигентности, даже если отчетливо проступает различие исторических перспектив разных групп интеллигенции. Сюда относится разъяснение того, что плач по интеллигенции ничего общего не имеет с интеллигентоведением, и что структурные и численные изменения интеллигенции не могут быть восприняты как уход со сцены этой страты российского общества. Такой «взгляд с другой стороны» может быть расценен как проявление крайнего прагматизма.

– Принятие исторических перспектив интеллигенции может проявить ее уникальную миссию в современном российском мире, определить интенсивность и силу ее идентификации и самоидентификации. Такая постановка вопроса как раз и предполагает, чтобы граждане России таковыми себя и осознавали, располагали зрелым чувством самооценки и готовностью признать историческую перспективу интеллигенции.

– Признание исторической перспективы интеллигенции также предполагает, что оппоненты не воспринимают друг друга как что-то статичное, а умеют видеть изменения в другом, как в себе самом. Такие изменения носят, как правило, интерактивный характер и побуждены как своей стороной, так и противоположной. Судьбы российской интеллигенции, ее внутреннее развитие и течения – это результат развития российской культуры, отражение судеб народа

и, что следует особо подчеркнуть, отражение имевшей место конфронтации с властью. Здесь кроется причина взаимоотношений интеллигенции и власти, ее страх: страх перед тем образом, который она сама создала. Неуверенность интеллигенции в себе, во власти обусловила ее спасительное бегство в собственную «скорлупу», породила байки о кастовости интеллигенции и ее исключительности.

– Многоаспектное (мультиперспективное) воспитание культуры (интеллигентности) не только способствует устранению образа врага и угрозы нравственного падения интеллигенции, установлению диалога с властью, но и делает попытку сформировать нового гражданина России, для которого понятие «интеллигентность» не пугало, а объективная реальность.

– Процесс воспитания интеллигентности неотделим, следовательно, от воспитания правовой, политической культуры и содержит налет политического климата. Тем самым он зависит от конфликтов, кризисов, неустойчивых состояний и проблем самоопределения общества. Подобный процесс является неотъемлемой частью специфической культуры российского общества с его неустоявшимися, выбитами традициями и интерпретациями.

Наряду с дискуссией неизбежно и дальнейшее исследование культурного феномена вузовской интеллигенции в контексте общественных изменений с опорой на теорию и историю интеллигентно-ведческой мысли.

Примечания

¹ См., например: А.Н. Еремеева. Провинциальный ученый в условиях борьбы с «низкоклонством» перед Западом // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв. и реализация путей общественного развития: Материалы науч. конф., 28–30 мая 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 71; Б.В. Емельянов. Кампания борьбы с космополитизмом 1948 г. в оценке З.А. Каменского // Там же. С. 129.

² Deutschland – Forum für Politik, Kultur und Wirtschaft Nr. 1. 2005. С. 17.

³ UNIVERSUM, июль–сентябрь 2004. С. 12–18.

⁴ ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 76. Л. 22.

Ю.В. Леоньчева
(Челябинск)

Социально-бытовые условия жизни художников, эвакуированных на Урал в годы Великой Отечественной войны (на материале Челябинской области)

В научных работах, посвященных периоду Великой Отечественной войны, дается следующее определение термина «эвакуированное население»: это граждане, перемещенные в рамках целенаправленной государственной деятельности на новое место жительства в